

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

ЖУРНАЛ
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
2019/№4

Cultural Code

Journal of Perm State Institute of Culture

ISSN 2658–3852

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

4'2019

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Журнал выходит 4 раза в год

Точка зрения авторов публикаций
может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка материалов без разрешения редакции журнала
«Культурный код» не допускается.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 614000 ПЕРМЬ, УЛ. ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА», 18

Электронная копия журнала размещена на сайте <http://www.psiac.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77–73298 от 20.07.2018

© Пермский государственный
институт культуры, 2019

Главный редактор – Л. И. Дробышева-Разумовская

Заместитель главного редактора – А. А. Лисенкова

Редакционный совет:

Е. В. Абдуллаев (Toshkent, O‘zbekiston), Н. Н. Гашева (Пермь),
Н. Б. Зубарева (Пермь), Sándor Kálai (Debrecen, Magyarország),
А. В. Конева (Санкт-Петербург), О. Л. Лейбович (Пермь),
А. М. Лобок (Екатеринбург), Н. А. Петрусева (Пермь),
М. Е. Пылаев (Пермь), Л. Д. Пылаева (Пермь), Н. С. Розов (Новосибирск),
Laura Salmon (Genova, Italia), Р. И. Сергиенко (Минск, Беларусь),
Luca Somigli (Toronto, Canada), Г. Л. Тульчинский (Санкт-Петербург)

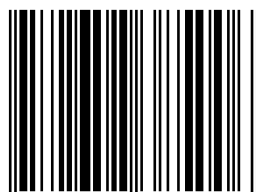
Редакционная коллегия:

Л. Д. Благовещенская (Новосибирск), Д. В. Бубнов (Пермь),
Н. Н. Вотинцева (Пермь), А. Л. Глушаев (Пермь), А. Н. Ильин (Омск),
А. В. Корчинский (Москва), А. А. Лисенкова (Пермь), М. Н. Лукьянов (Пермь),
П. А. Моисеев (Пермь), М. В. Софьина (Пермь), А. А. Суворова (Пермь),
Н. В. Суржикова (Екатеринбург), А. Б. Танасейчук (Саранск),
Е. М. Четина (Пермь), М. М. Чудинова (Пермь)

Ответственный редактор – М. В. Софьина

Выпускающий редактор – П. А. Моисеев

ISSN 2658-3852

9 772658 385006 >

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Николай Вольский

Почему начальники не любят интеллигентов? Часть 3.8

ИСКУССТВОВЗНАНИЕ

Людмила Братухина

Изучение американской литературы в Пермском университете
(научные труды Н. Г. Бяковой, И. В. Шиховой, Е. П. Ханжиной,
И. Н. Клепацкой)..... 23

ИСТОРИЯ

Михаил Вебер

«Тяжелые времена переживает Русская земля»:
дневник священника 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового
полка К. Дмитриева..... 39

Алексей Глушаев, Анна Голева

«Подобрать и назначить...»: организация института
уполномоченного Совета по делам религиозных культов
в Молотовской области. 1944–1946 гг. 52

Анна Кимерлинг

«Письмо пишу, а вокруг идет бой»: культурные разрывы
военного времени 67

Елена Лебеденко

«Все разбито, и у меня на душе какие-то обломки»: репрезентация
женского травматического опыта Гражданской войны в частных
письмах начала 1920-х гг. (из переписки К. А. Морозовой)..... 73

Валерия Яковлева

Опыт заимствования Н. К. Крупской идей Дж. Дьюи при построении
теоретических основ новой советской педагогики в 1920-е гг. 89

Резюме 100

Сведения об авторах 114

CONTENTS

CULTURAL STUDIES

Volsky Nikolay

Why Do Bosses Not Like the Members of Intelligentsia? Part 3..... 8

ART STUDIES

Bratukhina Ludmila

Study of American Literature in Perm University (Scientific Works by
N. G. Byakova, I. V. Shikhova, E. P. Khanzhina, I. N. Klepatskaya) 23

HISTORY

Weber Mikhail

“The Russian land is going through hard times”: diary of the priest of
the 3rd Barnaul Siberian rifle regiment K. Dmitriev 39

Glushaev Aleksey, Goleva Anna

“To Pick Up and Appoint...”: Organization of the Institute of the
Authorized Council for Religious Cults in the Molotov Region.
1944–1946..... 52

Kimerling Anna

“I Write Letter, and around Goes Battle”: Cultural Gaps in Wartime 67

Lebedenko Elena

“Everything Is Broken, I Have Only Some Splinters in My Soul”:
Civil War’s Women’s Traumatic Experience in Private Letters at the
Early 1920’s (from Ksenia Morozov’s Correspondence) 73

Yakovleva Valeriya

The Experience of Borrowing N. K. Krupskaya and J. Dewey
in the Construction of the Theoretical Foundations of the New Soviet
Pedagogy in the 1920s..... 89

Abstracts..... 104

List of Authors 115

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 304

DOI: 10.36945/2658-3852-2019-4-8-22

Н. Н. Вольский

ПОЧЕМУ НАЧАЛЬНИКИ НЕ ЛЮБЯТ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ?

Часть 3*

После лирико-методологического отступления, которым закончилась вторая часть настоящей работы, позволю себе привести еще один схематический пример проявления интеллигентности.

Копать вам не перекопать

Предположим, некий приказчик дает задание нанятой бригаде землекопов: для орошения поля надо прокопать такой-то глубины и ширины канаву от реки до вон того дерева. Сообщает, что после окончания работы хозяин обещает простить недоимки и выставить бочку вина. Получив задание, работяги с энтузиазмом (а, может, и напротив: хмуро и безрадостно) начинают копать. Однако после нескольких взмахов лопатой один из них останавливается, чешет затылок и, обращаясь к приказчику, молвит: *Дык, это... вода же в гору не пойдет*. Прослушав такую разумную речь, все приостанавливаются и вопросительно смотрят то на оратора, то на прораба. Последний оказывается вынужденным как-то реагировать. После того как его ткнули носом в очевидный факт, он не хуже этого мыслящего пролетария видит, что, конечно, вода не пойдет, но какое это имеет отношение к делу? И, самое главное, у него есть свой начальник, который не станет разбираться, что да как – канава должна быть выкопана, и точка. Поэтому чем разумнее и убедительнее замечание подчиненного, тем большее раздражение оно вызывает. *Тебя не спросили, умник!* – с места в карьер набрасывается приказчик на мужика. – *Копай давай! Рассуждать он тут будет*. И тут же поворачивается к другим рабочим: *Ну, чего встали?! Дождется у меня!* Те, ворча и чертыхаясь, опять начинают ковырять землю. Начинает работать и нарушитель спокойствия, но на душе у него кошки скребут.

© Вольский Н. Н., 2019.

* Продолжение. Начало см.: Культурный код, 2018, № 1; 2019; № 1.

Казалось бы, он выполнил свой гражданский долг и вовремя предупредил начальство об очевидной ошибке, ведущей к бесполезным затратам, следовательно, он вправе рассчитывать если не на премию за свой ум и усердие, то хотя бы на похвалу. Однако эффект его действий оказывается прямо противоположным. И это уже не в первый раз. *Черт меня опять дернул за язык!* – думает он, – *Сколько раз зарекался, и опять... Ничего хорошего из этого не получается. Канаву как копали, так и копаем. Только приказчик разозлился. Теперь он не упустит случая меня на чем-нибудь подстеречь. Может, и выгонят. Но хуже всего, что другие мужики недовольны – они-то и вовсе ни за что страдают. А раз приказчик вызверился, он будет искать, на ком зло сорвать. Опять меня все шпынять будут за мои слова. Но я ведь правильно сказал. Ведь это правда! Э-эх!..*

Действительно, в большинстве подобных случаев собратья по положению (мужики, сослуживцы, серая скотинка) занимают сторону начальника, а не горе-интеллигента. Разлом идет не между начальниками и подчиненными, но между простыми людьми и интеллигентами (чаще всего оказывающимися в единственном числе). Социальный антагонизм оказывается менее значимым, чем различие в отношении к истине. И рабочих, которые злятся на выступавшего не меньше, чем приказчик, нетрудно понять. Если бы рабочие хотели поставить на место зарвавшегося и слишком притесняющего их приказчика, они могли бы воспользоваться высказанной вслух правдой как удобным поводом для того, чтобы обличить дурь приказчика и продемонстрировать ему свое недовольство. При этом интеллигентская правда могла бы послужить интересам рабочих, а ведь именно такой – полезной – правды ищет простой человек. Но в данном случае этого нет. Открытый конфликт с приказчиком ничего хорошего рабочим не сулит и потому не входит в их планы. А значит эта правда – правда сама по себе – никому не нужна. Она никому не служит и только злит приказчика, который попытается сорвать свою злость на рабочих. Он, конечно, поступает несправедливо, но глупо считать его виновником ухудшения ситуации. Ничего другого от него ожидать нельзя. Собственно, в этом и состоит его функция: орать, материться и грозить всякими карами. Он таков, каков есть, и с этим ничего нельзя поделать. Он не может не придирается ко всем и каждому, если его что-нибудь разозлит. А следовательно, приказчика, равно как и более высокое начальство с его идиотскими планами, нужно при оценке происшествия вынести за скобки как нечто данное, как то, чего нельзя изменить. А потому остается только один виновник: этот самый умник со своей дурацкой правдой – кому эта его правда нужна? чего он с ней вылез?

Тут следует еще учесть, что после того, как слово «не пойдет» было открыто высказано, *простые* рабочие, которые до того не обращали внимания на этот совершенно не касавшийся их аспект работы, теперь ясно видят полную бессмысленность порученного им дела. Идиотизм задания превращает обычную

тяжелую работу в мучительный каторжный труд. Вполне возможно, что и ранее выкопанные ими канавы имели ровно столько же смысла, входя в систему очередных *Епифанских шлюзов*, но они-то об этом не знали, а теперь все своими глазами видят, что никто и никогда не воспользуется результатом их труда – он совершенно напрасен. Мысль, что, принимая работу, приказчик будет тщательно вымерять ширину и глубину канавы – не дай бог, она будет на вершок уже, – а потом заставит аккуратно подрезать края и подобрать со дна осыпавшуюся глину, и все это зачем? за что они будут маяться? – уже одна эта мысль может привести человека в бешенство. Всех этих отрицательных эмоций не было бы, если бы им не открыли глаза на откровенную дурь выполняемого ими задания. А кто им открыл глаза? – *Умник*. Вот он во всем и виноват.

Все было бы совершенно по-другому, если бы у кого-то из участников этой истории была личная заинтересованность в орошении данного поля. Предположим, задание дает не приказчик, а хозяин орошаемого поля. Как бы ни расстроился он, услышав справедливые интеллигентские слова, он не мог бы их игнорировать, а должен был бы либо убедиться в их ложности, либо прекратить работы и каким-то образом поощрить честного работника за своевременно поданный совет, позволивший ему избежать дополнительных убытков. Правда, другие работники могли быть недовольны прекращением работ, за которые они предполагали получить плату. Но это был бы обычный конфликт интересов: каждый заботится о своей выгоде, и его нельзя за это упрекать. С другой стороны, предположим, что умник был бы хозяином поля. И в этом случае ни приказчик, ни входящие в артель рабочие не имели бы оснований негодовать по поводу того, что у хозяина поля достало ума спохватиться в последний момент и прекратить бессмысленную работу. И, наконец, третий возможный вариант этого события: канаву роет крестьянская артель, чтобы оросить свои собственные поля. В этой ситуации человек, первым усмотревший, что *вода не пойдет*, несомненно, заслужил бы искреннюю благодарность всех участников артели за избавление от бессмысленной тяжелой работы. Несмотря на их вероятное разочарование, вызванное крахом оросительных планов, они бы долго и восхищенно вспоминали, как *Иван (вот умный мужик, не то, что мы – бараны) с ходу увидел...* и т. д.

Почему же одно и то же соображение, одни и те же слова, сказанные в одной ситуации, создают человеку репутацию *умного, толкового, сообразительно*, а произнесенные в другой – характеризуют его как *умника*, то есть того, кто только *умничает*, а настоящим-то умом и не обладает? Ясно, что такая оценка опирается на полезность высказанной правды о мире, на приносимую этой правдой выгоду какому-то конкретному лицу (неважно, что это за лицо, важно, что высказанная правда служит его интересам и высказывающийся имеет в виду эти интересы). Если же никакой выгоды высказанная правда никому не приносит, то это не *настоящая (= полезная) правда*, поскольку, несмотря на свою формальную

истинность, она в данной конкретной ситуации неуместна. С такой – *простой* – точки зрения, интеллигентный *умник*, как бы сообразителен и проницателен он ни был, приравнивается общим мнением к известному сказочному персонажу – деревенскому дурачку, который говорит, в общем-то, правильные слова, но ухитряется произнести их как раз в той ситуации, где они совершенно неуместны, и этим накликает на себя ругань и побои¹.

Весьма существенно, что очень часто такую же оценку дает своему поведению и сам умник. *Дурак я, дурак* – корит он себя после очередного инцидента. – *Опять я вылез со своим «таскать вам, не перетаскать». Уже вроде бы все знаю, все понимаю... Ан нет, опять вляпался!* И поскольку говорит это его *я*, оно вполне право: с точки зрения *я*, совершенный поступок был неразумен, попросту говоря, глуп. Истинный же виновник произошедшего – *ум* – работает в этот момент в инструментальном режиме и, обслуживая цели *я*, он приходит ко вполне закономерному (и истинному!) выводу о том, что поведение субъекта в данной ситуации не соответствовало целям и интересам *я*, а следовательно его нельзя назвать *умным*. Круг замкнулся: *ум*, который подтолкнул *я* брякнуть свою *умную* правду, теперь, перебежав на другую позицию, осудил *я* за глупость и, таким образом, дезавуировал самого себя.

Эта душевная эквилибристика становится возможной (и даже неизбежной) вследствие того, что *ум*, работающий в свободном интеллигентном режиме и, соответственно, не обслуживающий в это время *я* с его целями, только формально может быть назван *умом данного конкретного человека*, в то время как по сути своей – это *ум вообще*, абстрактный *ум*, Логос, Разум, понимаемый как субъект безличных, по существу, высказываний², *ум*, как самодеятельная сущность, говорящая и действующая от своего собственного имени. Как ориентировочно-поисковая деятельность хомячка не столько имеет в виду интересы этого конкретного животного (для индивида она большей частью сводится к бесполезной трате ресурсов), сколько долгосрочные интересы вида *Phodopus sungorus* (то есть можно сказать, что поиск ведет вид, а конкретный хомячок служит инструментом этой деятельности), так и человеческий *ум*, передающийся каждому из нас по наследству от предыдущих поколений, дается нам не только для того, чтобы обеспечить наше индивидуальное выживание и благополучие (хотя и эту функцию он, конечно, выполняет, обслуживая потребности нашего *я*), но и для того, чтобы познавать мир, то есть выполнять функцию, независимую от потребностей нашего личного существования. Опять же можно сказать, что, когда речь идет о свободной деятельности ума, субъектом этой деятельности правильнее было бы считать не конкретного мыслящего человека, а род человеческий, который пользуется умственными способностями индивида как инструментом познавательной деятельности, необходимой для существования и безостановочного развития человечества. Поскольку во множестве случаев интересы человечества не совпадают

с интересами индивида (их нельзя также приравнять к интересам любой группы людей и даже совокупности всех ныне живущих на Земле людей), неудивительно, что потребность человеческого ума в познании истины и сообщении ее возможно большему числу людей нередко вступает в конфликт с интересами индивида – носителя этого ума, а также с интересами его окружения. И тогда ум, поступающий правильно и умно, с точки зрения человечества, перейдя на точку зрения индивида, оценивает эти совершенные им поступки как глупые и безрассудные. Такова своеобразная диалектика отношений ума интеллигентного человека со своим хозяином, который, не переставая быть господином своего ума, одновременно является и его слугой.

Конфликт в Ученом совете

Рассмотрим еще один вымышленный пример проявления интеллигентности в обыденной жизни. Он в значительной мере аналогичен предыдущему примеру, но действие в нем разворачивается в более привычной нам сфере – в среде интеллигенции, занятой свойственной ей профессиональной деятельностью. Предположим, что незадолго перед объявленным заседанием Ученого совета к его председателю (проректору по науке Краснознаменной N-ской академии им. В. В. Куйбышева, академику РАЕН, недавно награжденному орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-ой степени, автору многих книг и статей, короче говоря, маститому ученому и заслуженному деятелю науки) подходит один из членов этого совета (тоже видный ученый, но несколько менее заслуженный и ордена еще не получивший) и сообщает, что в диссертации, которая будет представлена к защите на очередном заседании Ученого совета, он обнаружил грубую ошибку. Он, дескать, заглянул в полученный им автореферат и там обнаружил такое... *Какая ошибка? О чем вы?* – оstonбеневает председатель. – *Ну, там, в уравнении (1). Перед $\sin x$ должен быть минус, а его нет. Поскольку из этого уравнения выводятся последующие, то... сами понимаете...* Немая сцена... *При чем тут синус икс? Чего он несет?* – машинально прокручивает в голове председатель, а в глубине души нарастает тоска и злоба. – *Что делать?* – лихорадочно соображает он. – *Диссертант-то от самого Петрова. Вот подловили меня. Знает ли этот радетель правды, что от Петрова? Если знает, то это не случайность. Кто его науськал? Кто за ним стоит? Но, вообще-то, вряд ли знает. В такие дела он не будет связываться. Наверное, все же не знает – он именно такой: не от мира сего. Синус заметит, а Петрова не заметит. Он же и на заседании ляпнет, в протокол придется заносить. А что нам всем придется делать, как мы-то будем выкручиваться? И эти, черт бы их побрал! Ну, диссертант, понятное дело, баран, но эти-то, гвардейцы петровские, куда смотрели? Лень им в автореферат заглянуть – разжирили, сукины дети, а я отдувайся.* – Он с диким раздражением вспоминает про своего собеседника: *Вот он, скромный герой!*

Стоит, ждет, что я скажу. Доволен. Как же – ошибку обнаружил. Все проглядели, а он враз узрел. Тьфу! Правду говорят: лучше иметь в совете трех полковников, чем одного интеллигента. Ну, что я теперь делать буду?!

И председателя можно понять. Его положению, действительно, не позавидуешь. Всем изначально понятно, что диссертация – полная труха, уровень ее ниже обычной студенческой курсовой работы, и читать ее совершенно незачем. Никто ее читать и не собирается. Ну, может, оппоненты наискосок просмотрят, чтобы обосновать хоть чем-нибудь свой вывод о «большом вкладе в решение актуальной научной проблемы» и найти две отсутствующие запятые, которые они отметят в разделе замечаний. Все прочие никакой науки здесь искать не будут, понимая, что все содержание этой стопы бумаги сводится к записке от Петрова: *Выдать подателю сего...* и т. д. Задача председателя с вверенным его руководству советом сводится в данном случае к тому, чтобы поставить штампик *«Не возражаю. Польшаев»* и отправить бумажки далее по инстанции. Ничего другого от них не ожидают, и никакие *синусы* здесь ни при чем.

В общем-то, это отнюдь не экстраординарный случай: большая³ часть успешно защищаемых диссертаций представляет из себя точно такую же бледную немочь, к науке отношения не имеющую. Голосующие «за» прекрасно это понимают, но проголосовать «против» они не могут, поскольку сами в качестве научных руководителей представляют в этот и в аналогичные советы точно такие же квазинаучные труды. А как же они могут поступать иначе? Ведь реальные открытия случаются крайне редко. Никто не может рассчитывать на то, что всем его сотрудникам удастся найти нечто, действительно «вносящее вклад...» А что же делать с теми, кому это не удалось? Ведь они тоже работали. Наука – наукой, но должен же был кто-то выполнять учебную нагрузку, набирать экспериментальный материал и писать статьи, чтобы отчитаться по всем этим нахватавшимся дурацким грантам и хоздоговорам. Какие они ни дурацкие, а приносят деньги – в том числе и на настоящую науку. Они честно пахали, и трудно требовать от них, чтобы они пахали так до сорока лет на ставке ассистента или мэнээса. Им надо что-то предложить, какую-то перспективу, иначе они просто уйдут, и никто не придет им на смену. Тем более, что Петров, Иванов, Сидоров и иже с ними так и пекут кандидатов и докторов – чем эти-то хуже?

Конечно, от пишущих требуются некоторые умения: если то, что они пишут, и нельзя считать реальным вкладом в науку, то все же написанное должно быть оформлено по всем правилам науки – пишущий должен показать, что он, по крайней мере, знает, как выглядит истинный научный труд с введением, формулами, таблицами, графиками, ссылками на соответствующую научную литературу, выводами и т. п. Поскольку этот диссертант не выполнил основное требование и нагородил чепуху, которую и студентам не прощают, – а в этом уважаемому коллеге председателя можно доверять, здесь-то он не ошибется – есть веские

основания работу завернуть, предложив ее доделать и исправить допущенные ошибки. В обычных случаях такое вполне возможно, и председатель не стал бы сильно забивать себе голову, если бы это произошло с кем-то другим. Но дело в том, что этот случай обычным не назовешь. Все упирается в тот факт, что диссертант от Петрова. А он не рядовой профессор или даже академик, он деятель высшего полета. По слухам, он вхож в такие круги, которые, по-видимому, и следует считать «отечеством», пожаловавшим председателю орден. Так это или не так, но нет сомнений, что слово Петрова может много значить в тех сферах, где решаются важные и для председателя, и для всей их академии вопросы. Поэтому его благосклонность весьма существенна для общего дела, которым они все занимаются, и поэтому много усилий и дипломатических ухищрений было затрачено, чтобы добиться расположения этого знающего себе цену прохиндея. И их старания, похоже, не были напрасными – то, что Петров направил диссертанта именно в их совет, следует считать определенным жестом, символизирующим налаживание доверительных отношений. Если в этой ситуации они дадут отворот поворот его протее, то Петров воспримет это как личное оскорбление и *casus belli*. Никаких иных реакций ожидать от него невозможно – он к таким афронтам не привык. И потому ответ будет незамедлительным и непропорциональным, причем сразу во всех местах: и в министерстве, и в ВАКе, и в фондах, выдающих гранты, – руки у него длинные, и он уж постарается продемонстрировать, что бывает с теми, кто вызвал его справедливый гнев, – чтоб другим неповадно было. Можно только надеяться, что это не коснется долго пробиваемого и уже почти окончательно подписанного решения о выделении средств на строительство нового лабораторного корпуса. Даже страшно представить, как озвереет ректор, когда услышит об этом происшествии. Да и коллеги по Ученому совету взвоят, когда поймут, куда может повернуть дело. У них тоже здесь завязано много интересов, и новый корпус для них лакомый кусок – они его уже делят и составляют списки на новое оборудование. А если все сорвется, кто будет виноват? Понятно, что в первую очередь председатель совета – это его епархия, и он должен улаживать все возникающие здесь коллизии.

Какое решение должен принять попавший в такой переплет человек? Не будем принимать во внимание тот, не такой уж редкий, но неинтересный для нас случай, когда председателем совета оказывается один из вышеупомянутых баранов, защитившийся и вскарабкавшийся на этот почетный пост на предыдущем этапе эволюции отечественной науки. Предположим, что данный руководитель – честный человек и настоящий ученый, искренне заботящийся о коренных интересах своей отрасли науки. Однако в этой заботе он не может не учитывать влияния самых разнообразных факторов, большинство из которых к науке отношения не имеет, но вполне может помешать ее естественному течению. Именно такое поведение подсказывает ему его ум, обслуживающий благую цель способствовать

прогрессу науки – цель, к достижению которой стремится председателево я. Так, как же должен поступать в подобных ситуациях умный и рассудительный человек, руководствующийся в своих поступках не спонтанными эмоциями, а долгосрочными целями? Трудно ожидать, что он выберет путь, рекомендуемый стоической максимой: *делай, что должно, и будь, что будет*. Как ни красив этот девиз и как ни безупречен он в моральном отношении, человек, строго ему следующий, никак не мог стать председателем Ученого совета – он был бы отсеян на гораздо более ранних этапах научной карьеры⁴. Занимающий это положение не может поступать так, как велит ему моральный императив, он – часть сложной машины и, если он пытается чего-то добиться, ему остается лишь одна возможность: действовать таким образом, чтобы изменить ход всей машины в нужном направлении. Никакие благие поступки, не учитывающие запутанные взаимодействия частей этой машины или противоречащие ее механике, ни к чему хорошему привести не могут и скорее всего лишь усугубят сложность проблемы. И поэтому, не имея возможности повлиять на Петрова и вынужденный считаться с существующим раскладом сил, герой нашей басни должен будет (если, конечно, не решит плюнуть на все и уехать в Урюпинск) избрать противоположный путь: каким-то образом воздействовать на обнаружившего ошибку коллегу и уговорить его воздержаться от ее публичного обнародования. Например, сказать больным и не приходить на заседание Ученого совета. Ясно, что разговор по этому поводу не может доставить удовольствия ни одному из его участников: интеллигент, скрепя сердце согласившийся на этот (позорный, с его точки зрения) компромисс, будет чувствовать себя как оплеванный и считать председателя главным виновником своей моральной деградации, но и его руководитель вряд ли будет лелеять в душе теплые чувства к человеку, ставшему причиной стольких неприятных переживаний. Было бы нереалистично предполагать, что он будет восхищен прозорливостью и научной честностью несгибаемого интеллигента. Особенно после того, что ему пришлось в разговоре сообщить собеседнику кое-какие подробности о стоящем за данной диссертацией Петрове и тем самым обнажить свои коррупционно-мафиозные связи с разлагающейся верхушкой административно-научного сообщества, да при этом еще уговаривать этого желающего остаться чистеньким и незапятнанным интеллигентного остолопа. К тому же любые чувства, которые испытает председатель во время всех этих треволнений, не играют существенной роли в определении его дальнейшей стратегии. Будет ли он злиться на интеллигента или отнесется к нему спокойно и доброжелательно, понимая, что тот ведь тоже, в сущности, не виноват в доставленных председателю огорчениях, в любом случае он, как руководитель, действующий исключительно в интересах дела, должен будет придти к выводу, что следует избавиться от присутствия плохо управляемого интеллигента в составе Ученого совета и таким образом предупредить возникновение подобных инцидентов в будущем. Так что при

очередном повороте своей научной карьеры интеллигент может пойти на повышение и поедет руководить кафедрой в абаканском филиале академии. И, вполне возможно, будет счастлив, поскольку Ученого совета там нет и никто не будет принуждать его к сомнительным сделкам с собственной совестью, хотя, конечно, и на новом месте могут возникнуть свои аналогичные проблемы.

Еще раз подчеркну, что я не пытался дать реалистическое описание конфликта в научной среде. Я вовсе не уверен, что могу адекватно передать ход мыслей и чувства, возникающие в душе ректоров, проректоров и председателей ученых советов, – я с ними незнаком, и своими мыслями они со мной не делятся. Вышеприведенная миниатюра создана не только с целью украсить и расцветить страницы рукописи, но и с целью более существенной: наглядно проиллюстрировать – пусть на полностью вымышленном примере – ту своеобразную механику, которая выталкивает интеллигента из, казалось бы, родственной и духовно близкой ему интеллигентной среды.

Этюд о начальниках

Но здесь нам пора ответить на заглавный вопрос: *почему начальники не любят интеллигентов?* У нас уже достаточно материала, дающего возможность обосновать вполне определенный вывод. Он гласит: **начальники любого ранга терпеть не могут интеллигентных людей за их непредсказуемость и неуправляемость.**

Все мы, в той или иной степени, умеем предсказывать поведение окружающих нас людей, основываясь на представлениях о каких-то их интересах и целях. Это не значит, что мы редко ошибаемся в своих прогнозах, как раз это случается сплошь и рядом, но, ошибаясь, мы с необходимостью приходим к выводу, что наши несбывшиеся предсказания были основаны на нашем ложном представлении о том, чего хотел и к чему стремился данный человек. Идея о том, что чей-то поступок может противоречить его коренным целям и интересам, воспринимается нами как абсурдная. Человек, конечно, может сделать глупость, не понимая, что сам себе копает яму, он даже способен на некоторый каприз, как бы забывая на минуту о своей выгоде, но если он в существенных вопросах, когда он не может не понимать последствий своих поступков, упрямо поступает так, что предполагаемый результат его действий должен нанести ущерб его интересам, мы либо объясняем его поведение скрытой психопатологией, либо уверяемся в том, что за его поступками стоят некие неизвестные нам мотивы и что мы, следовательно, ошибаемся относительно того, в чем состоит его истинная польза. Таким образом, мы исходим из неявного предположения, что все окружающие нас – *люди простые*, существование *интеллигентных людей* в расчет не принимается. Трудно представить себе какую-то другую, более рациональную стратегию оценки и прогноза чужих поступков, поскольку введение в теорию возможности появления на

сцене интеллигентов нисколько не улучшает качества прогнозов. Мы не в состоянии заранее предусмотреть, куда заведет интеллигента его ум, и потому поступки, мотивированные проявлениями интеллигентности, относятся нами в ту же недоступную для прогнозов область, куда попадают поступки сумасшедших и других лиц, чьи мотивы для нас совершенно непроницаемы. Мы поневоле списываем их на ошибку используемого нами метода прогнозирования.

Сегодня мы живем в обществе, которое, судя по всему, очень далеко от демократических идеалов и даже прилагает значительные усилия, чтобы не допустить образования социального слоя, заслуживающего наименования *демос* и способного претендовать на участие во власти и управлении, но которое в одном, по крайней мере, отношении совпадает с демократией: наше общество – это общество с высокой вертикальной мобильностью. Это значит, что начальниками в нем, как правило, не рождаются, начальниками становятся. Каковы бы ни были имеющиеся в обществе сословные, семейные, кастовые, имущественные и прочие границы, затрудняющие доступ в начальственные кабинеты людей «со стороны», все они оказываются недостаточными, чтобы удержать мощный поток самых разнообразных по происхождению субъектов, попадающих в сонм начальников не по праву рождения, а благодаря удаче, своей авантюрной хватке и особым свойствам личности. Среди таких свойств не последнее место должно занимать умение распознавать истинную структуру интересов и целей, мотивирующих поведение других людей. Желающих стать начальниками гораздо больше, чем освобождающихся и вновь возникающих кабинетов, конкуренция между претендентами очень высока, и отсюда следует ожидать, что стандартный начальник обладает способностью прогнозировать чужое поведение гораздо лучше, чем средний обыватель. Это результат не только упражнений и опыта, но и, главным образом, жесткого предварительного отбора, осуществляемого на самых первых ступенях лестницы, которая ведет на вершины власти. Человек, который окажется неспособным понимать, чего *на самом деле* хотят от него его ближайшие начальники, в чем состоит их истинная выгода, к которой они стремятся и участия в достижении которой они добиваются от подчиненных, практически не имеет шансов стать нужным начальству и, следовательно, не может рассчитывать на продвижение вверх. Даже если он игрою обстоятельств прорвется на несколько ступенек, карьерный его рост будет крайне затруднен, и он, в конце концов, почти неминуемо будет вынужден расстаться со своим креслом. Основной кадровый резерв формируется еще на «игровых», можно сказать, стадиях подготовки: в комсомольских комитетах, в школьных органах самоуправления, в молодежных отделениях партийных и церковных организаций, студенческих научных обществах, в «элитных» учебных заведениях и тому подобных питомниках будущего начальства. Хотя попасть туда при желании может если не всякий, то очень многие, но через их частое сито пройдут и получают «путевку в жизнь» почти исключительно

те, кто будет соответствовать стандарту начальника и в достаточной степени обладать необходимыми для такой карьеры свойствами. Остальные тоже будут как-то поощрены, но начальниками им, вероятно, уже не стать.

Среди прочих качеств, требуемых от будущих начальников, можно отметить неукротимое желание лезть наверх, вовсе несводимое к жажде приобретаемых таким образом материальных благ, управляемость и – единственное интересующее нас в этом контексте – умение безошибочно понимать, чего от тебя *действительно* хотят. Я подчеркиваю слово *действительно*, потому что здесь может крыться ловушка для тех, кто хочет понравиться своему начальству и если не продвигнуться, то хотя бы быть у него на хорошем счету, но не понимает его истинных целей и мотивов. В качестве требований к подчиненным начальники вынуждены, большей частью, «озвучивать» официальные цели той организации, которой они руководят, однако это вовсе не значит, что истинные цели и мотивы начальника полностью или даже частично совпадают с декларируемыми. Если завкафедрой, почтивший своим присутствием заседание студенческого научного кружка, призвет юных исследователей *смело дерзать и ставить перед собой высокие научные цели, стремясь стать настоящим ученым*, то, скорее всего, правильно поймет его декларацию не тот, кто будет день и ночь трудиться, не вылезая из лаборатории и библиотеки, а тот, кто привезет с *9-ой Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие» (г. Санкт-Петербург, 8–9 октября 2009 года)* диплом, отмечающий его достижения в изучении научного наследия Н. К. и Е. И. Рерихов. Как и за что получил он этот диплом, никто всерьез интересоваться не будет. Главное, он понял, чего от него хотят, и выполнил пожелание руководства – честь ему и хвала. А уж как ему это удалось – его личное дело.

Добравшийся до начальственного кресла должен, во-первых, хорошо понимать мотивы поведения своих начальников, во-вторых, тех, с кем он общается на своем уровне (партнеров), и, в-третьих, своих подчиненных.

Конечно, на главном месте – понимание вышестоящих: это основа выживания в качестве начальника и залог успехов в продвижении на следующую ступеньку. Главные мысли начальников всех рангов касаются того, каковы ближайшие и долгосрочные цели их собственного начальства, что их руководители собираются предпринять, на кого они рассчитывают и кого боятся. Тот, кто не учит всех этих моментов, может оказаться у разбитого корыта, столкнувшись с неожиданными поступками и внезапной сменой линии поведения тех, от кого зависит карьера данного начальника. К счастью для заинтересованных лиц, основная масса начальников любого уровня не только обладает высокоразвитой способностью понимать цели и мотивы поведения других людей, но и сама оказывается вполне предсказуемой в своих реакциях и поступках. Это легко понять, если взглянуть на любого из составляющих эту массу не снизу, как это привычно нам,

простым, не занимающим завидных должностей людям, а сверху – с позиции начальника этого начальника. Кто захочет иметь среди своих ближайших и доверенных сотрудников человека, чьи цели непонятны или настолько нестандартны, что делают его совершенно непохожим на обычных известных нам людей? Никто не захочет. И если ему придется на это пойти, будет с нетерпением дожидаться того момента, когда сможет, наконец, избавиться от такого подчиненного. Ведь иметь его в своем ближайшем окружении – это значит сидеть на бочке с порохом – ты вынужден ему доверять, но не можешь на него положиться. Поскольку его цели для тебя непрозрачны, ты не знаешь, что он может выкинуть в следующий момент или как он поведет себя в решающей ситуации. Поэтому одно из существенных условий успешной начальственной карьеры – принципиальная прозрачность для окружающих. Твои цели должны быть в основном понятны тем, решающим что-то в твоей судьбе людям, с которыми тебя сталкивает жизнь. В идеале, желающий быть начальником должен иметь лишь одну ясную всем цель – удержаться на своем месте и вскарабкаться на следующую ступеньку иерархии. Понятно, что это лишь идеальный образец, который в жизни до конца воплощен быть не может. Каждый реальный начальник имеет и другие побочные цели, которые в определенных случаях могут конкурировать с главной, но это не страшно, если такие отклонения от идеала проявляются в привычных, стандартных и понятных для окружающих формах. Таким образом, первостепенные для каждого начальника задачи по предсказанию поступков своего начальства и (на втором месте) своих партнеров – таких же начальников, как и он сам – заметно упрощаются, поскольку практически все учитываемые в игре лица стандартизованы предыдущим отбором – от них не стоит ожидать ничего экстравагантного и непредусмотренного требованиями известной всем игры. Они превращаются в фигуры с заранее известным набором ходов: конь ходит *буквой Г*, а слон – по своей диагонали и т. п. Тем самым задачи по предсказанию ходов-поступков становятся типовыми, их решения не зависят от индивидуальности человека, чье поведение прогнозируется. Само это поведение уже заранее стандартизовано и определяется относительно небольшим количеством факторов, которые, в принципе, поддаются выяснению и учету. Несмотря на то что любой начальник – не идеальная шахматная фигура, а живой человек со своими страстями, страстишками, особенностями характера, болезненными детскими комплексами и индивидуальными душевными склонностями, и в этом отношении он в значительной степени подобен нам с вами, все же, в отличие от нас, он не только хотел стать начальником, но и стал им, а это значит, что основная линия его поведения определяется его выгодой и его индивидуальные особенности не мешают осуществлению такой рациональной стратегии – иначе он не смог бы успешно играть в ту игру, в которой он участвует. Зная, в чем состоит выгода того или иного начальника, можно заранее с большой вероятностью предсказывать их поведение.

Но это в гораздо меньшей степени справедливо в отношении третьей категории лиц, с которыми приходится иметь дело типичному начальнику, то есть в отношении подчиненных. Большая часть этой разношерстной публики либо вовсе не участвовала в отборе на способность быть начальником, либо, участвуя, не обнаружила таких способностей, и многие не прошли сито отбора именно из-за своей нестандартной структуры целей, непредсказуемости поведения и, соответственно, неуправляемости. Предсказывать реакции и поступки таких разномастных нестандартизованных индивидов (не соответствующих по своим параметрам никакому единому ГОСТу), а следовательно, и управлять их поведением, планируя достижение своих начальственных целей, оказывается непростой задачей. Можно предположить, что в ее благополучном разрешении начальники не так уж и заинтересованы: их карьера в гораздо меньшей степени зависит от поведения подчиненных, нежели от поведения их руководителей и партнеров. Все это так, но все же начальник потому и называется *начальником*, что своих целей он добивается, руководя действиями подчиненных ему людей. Если человек оказывает существенное влияние на некие социальные процессы, не используя для этого формально подчиненных ему лиц, его можно – в зависимости от круга и способа его влияния – назвать *вождем, гуру, местным авторитетом, популярным публицистом* или *кумиром молодежи*, но *начальником* его не назовешь. Начальник – звено иерархической организованной структуры, и его функциональная роль заключается в трансляции нижестоящим подчиненным планов и задач, сформулированных вышестоящим руководством. Для успешного выполнения этой роли всякий начальник пытается подобрать себе в качестве подчиненных таких работников, которые не только обладают профессиональными навыками, необходимыми для выполнения поставленных начальством задач, но еще и достаточно просты и предсказуемы в своем поведении. И это не каприз начальника, не его желание облегчить себе жизнь – этого требуют интересы дела, интересы той организации, в которой нашли себе место и начальник, и его подчиненные. Каким бы виртуозом по вытаскиванию гаек ни был некий токарь, но если он, побуждаемый ему одному известными причинами, может в любой момент заглушить станок и уйти с завода или вдруг, повинаясь собственному желанию, вместо гаек взяться за втулки, работник из него никудышний. Еще опаснее и неприемлемее в качестве подчиненного технолог, способный по своей воле внести изменения в чертежи, по которым изготавливают эти самые гайки и втулки. Никакие его таланты и квалификация не спасут его от замены на менее, может быть, квалифицированного, но более послушного и предсказуемого специалиста. Одно лишь подозрение в непредсказуемости и неуправляемости дисквалифицирует сотрудника в глазах его начальства, и мы должны согласиться, что негативное отношение начальников к таким подчиненным вполне рационально и оправдано с точки зрения интересов не только конкретного начальника, но и той организации, к которой начальник принадлежит.

Примечания

1. См.: [Набитый дурак].
2. Можно сказать: *Разум свидетельствует, что сумма углов треугольника равна двум d* , но то же самое можно сказать и проще, не приписывая авторство никакому субъекту: *Сумма углов треугольника равна...*
3. Читатель может поставить ударение там, где он считает верным.
4. Скорее всего такой человек работает где-нибудь кочегаром или ночным вахтером, да и на таких должностях он вряд ли подолгу задерживается на одном месте. Бескомпромиссность – завидное качество, но очень мешающее работе в любой организации. Для его культивирования крайне желательно обладать независимым материальным положением либо выбирать профессию, позволяющую работать в одиночку.

Библиография

- Бибихин, В. В.* Язык философии. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 389 с.
- Большой англо-русский словарь* : в 2-х томах / под рук. И. Р. Гальперина. Т. 1. А – Л. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1979. – 824 с.
- Большой немецко-русский словарь* : в 2-х томах / под рук. О. И. Москальской. Т. 1. А – К. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1969. – 760 с.
- Вайль, П.* Карта родины. – Москва : Независимая газета, 2003. – 416 с.
- Виноградов, В. В.* История слов. – Москва : РАН, 1999. – 1142 с.
- Гаспаров, М. Л. Записи и выписки. – Москва : НЛО, 2001. – 416 с.
- Гаспаров, М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://imwerden.de/publ-1448.html> (дата обращения: 15.10.2018).
- Горький, М.* О русском крестьянстве. – Берлин, 1922. – 56 с.
- Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Р – V. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 683 с.
- Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь. – Москва : Русский язык, 2000. – 847 с.
- Круглов, А.* Словарь А–И. Психология и характерология понятий. – Москва : Гнозис, 2000. – 380 с.
- Круглов, А.* Словарь Т–Я. Психология и характерология понятий. – Москва : РГО, 2008. – 472 с.
- Круглов, А.* Словарь. Содержание и информация [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://alkruglov.narod.ru/glossary.html> (дата обращения: 30.03.2019).
- Набитый дурак* // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / подготовка текста и прим. В. Я. Проппа. – Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – Т. 3. – С. 200–201.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1968. – 900 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 16-ти т. Т. 16. Переписка, 1835–1837. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – 503 с.

Рубинштейн, Л. С. Интеллигентные подтяжки // Рубинштейн Л. С. Словарный запас. – Москва : Новое издательство, 2008. – С. 27–39.

Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : История и типология : материалы междунар. конф. (Неаполь, май 1997) / сост. Б. А. Успенский. – Москва : О.Г.И., 1999. – 152 с.

Симонов, П. В. Мотивированный мозг. – Москва : Наука, 1987. – 272 с.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – Москва : Академический проект, 2001. – 990 с.

Успенский, Г. И. Из разговоров с приятелями // Успенский Г. И. Собрание сочинений : в 9-ти т. Т. 5. – Москва : Художественная литература, 1956. – С. 203–260.

Федотов, Г. П. О гении // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 118–121.